

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 78**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 78 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 236 с.

ISBN 978-5-458-04726-5

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04726-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Обоснованіе мистическаго эмпиризма ¹⁾).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Необходимость, общеобязательность и всеобщность знанія.

Знанію подлежитъ наличный объектъ. Такъ какъ нѣтъ ничего обсуждаемаго, что бы не было въ томъ или иномъ смыслѣ слова наличнымъ, то знанію подлежитъ не то, что предметъ *существуетъ*, а то, *какъ* онъ существуетъ, не quod sit, а quid sit.

Знаніе о томъ, каковъ объектъ, получается путемъ сравненія. Такъ какъ существо ограниченное не можетъ сравнить объектъ сразу со всѣмъ остальнымъ міромъ, то въ силу этого всякій актъ человѣческаго знанія есть актъ дифференціаціи какой-либо *стороны* объекта. Поэтому всякое человѣческое знаніе должно выражаться въ формѣ сужденія, т. е. состоять изъ объекта (субъектъ сужденія), дифференцированной стороны объекта (предикатъ) и отношенія между этими элементами.

Истинное сужденіе отличается характеромъ обязательности, принудительности. Это свойство истины осуществляется въ слѣдующихъ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ истинномъ сужденіи *предикатъ присоединяется къ субъекту съ необходимостью*, во-вторыхъ, сужденіе сохраняетъ эту свою необходимость для познающаго субъекта *навсегда*, т. е. сколько бы разъ и когда бы ни начиналъ размышлять познающій субъектъ объ одномъ и томъ же объектѣ, для него

¹⁾ «Вопр. Фил. и Псих.» № 77.

Вопросы философіи, кн. 78.

всегда оказывается обязательнымъ одно и то же сужденіе; наконецъ, въ-третьихъ, истинное сужденіе обязательно для *всякаго* мыслящаго существа, а не только для лица, высказавшаго его. Первое свойство истиннаго сужденія мы будемъ называть необходимостью сужденія, а второе и третье свойство—общеобязательностью сужденія. Замѣтимъ тотчасъ же, что общеобязательность сужденія не слѣдуетъ смѣшивать съ всеобщностью сужденія, которая вытекаетъ изъ законмѣрности явленій. Мы здѣсь ни слова не говоримъ о *законахъ* явленій и *общихъ* сужденіяхъ: та общеобязательность, которая интересуетъ насъ здѣсь, есть свойство *всѣхъ* истинныхъ сужденій, хотя бы они были и единичными.

Приступая къ изслѣдованію условій необходимости и общеобязательности сужденій, мы можемъ на основаніи всего предыдущаго прямо признать, что они не кроются ни въ какомъ смыслѣ слова въ мірѣ трансцендентномъ (въ отношеніи къ знанію), потому что такого міра нѣтъ: они должны заключаться или въ субъектѣ или въ познаваемыхъ объектахъ. Но въ актѣ знанія субъекту принадлежитъ только дѣятельность сравниванія, а результаты ея вполнѣ опредѣляются свойствами объектовъ. Поэтому искать условій необходимости знанія надо въ свойствахъ объектовъ; но такъ какъ весь міръ, не исключая и познающаго субъекта, можетъ быть объектомъ знанія, то, говоря проще, обязательность истиннаго знанія опредѣляется какими-то *всеобщими свойствами самого міра*, а не какой-либо части его. Чтобы найти эти свойства, изслѣдуемъ прежде всего характеръ необходимой связи между субъектомъ и предикатомъ сужденія.

Субъектъ сужденія S есть часть міровой дѣйствительности, заключающая въ себѣ, какъ и все въ мірѣ, безконечное еще не дифференцированное въ знаніи содержаніе, а предикатъ P есть нѣкоторая сторона (аспект) этой дѣйствительности, дифференцированная въ данномъ актѣ сужденія. Такъ какъ сама познаваемая дѣйствительность имма-

нентна процессу знанія, то, слѣдовательно, каково отношеніе между частями дѣйствительности, таково же и отношеніе между частями сужденія S и P. Если бы между частями дѣйствительности не было никакого отношенія, то тогда не было бы и суждений. Если бы стороны дѣйствительности были лишены внутренней необходимой связи, тогда опять-таки, найдя элементъ міра P, мы не чувствовали бы объективной необходимости присоединять его къ S. На дѣлѣ мы находимъ иное: въ истинномъ сужденіи о какихъ бы то ни было вещахъ, явленіяхъ, процессахъ и т. п. субъектъ S таковъ, что если онъ данъ, къ нему необходимо присоединяется предикатъ P; точно также и всякая часть дѣйствительности такова, что если даны однѣ стороны ея, то другія стороны съ необходимостью, органически причленяются къ нимъ, подобно тому какъ не можетъ существовать голова позвоночнаго животнаго безъ туловища и наоборотъ. Отношеніе, состоящее въ томъ, что если дано нѣкоторое А, то къ нему съ необходимостью присоединяется В, встрѣчается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ—въ формѣ причинной связи, въ формѣ функціональной зависимости, въ формѣ связи между мотивомъ и дѣйствіемъ въ волевыхъ актахъ и т. п. Мы не будемъ заниматься этими разновидностями необходимой связи; насъ интересуетъ только общее родовое понятіе связи, состоящей въ томъ, что къ нѣкоторому данному X необходимо примѣняется У. Такую связь *въ ея всеобщей родовой формѣ* мы условимся называть связью основанія и слѣдствія, *не придавая этимъ терминамъ рационалистическаго или вообще интеллектуалистическаго характера.*

Итакъ, если сама дѣйствительность находится налицо въ сужденіи, то необходимость сужденія объясняется необходимостью самой дѣйствительности, органическою, функціональною связью между всѣми сторонами ея. Какъ бы ни были различны сужденія, все равно необходимый характеръ ихъ сводится только къ этому источнику ¹⁾. Чтобы разяс-

¹⁾ О томъ, что въ сужденіи субъектъ есть основаніе, а предикатъ слѣдствіе см. Липпсъ, Основы логики, стр. 53сс.

нить это, возьмемъ два противоположныхъ въ извѣстномъ отношеніи вида сужденія—сужденія воспріятія и сужденія аподиктическія, имѣющія, повидимому, какой-то особенный характеръ раціональной необходимости, и покажемъ, въ чемъ они сходны, и въ чемъ различны. Если, пройдясь по саду и осмотрѣвъ растенія въ немъ, мы высказываемъ сужденіе „розовый кустъ на круглой клумбѣ засохъ“, то это сужденіе имѣетъ не менѣе необходимый характеръ, чѣмъ сужденіе „сумма угловъ этого остроугольнаго треугольника равна двумъ прямымъ угламъ“: если мнѣ даны субъекты этихъ сужденій, я не могу не присоединить къ нимъ ихъ предикатовъ. Слѣдовательно, и въ первомъ и во второмъ случаѣ субъектъ сужденія заключаетъ въ себѣ *основаніе* для предиката. И въ первомъ и во второмъ случаѣ субъектъ есть безконечно богатая по содержанію часть дѣйствительности, опознанная, т. е. дифференцированная въ сознаніи познающаго лица только отчасти, и различіе между двумя приведенными сужденіями зависитъ только отъ того, какіе элементы субъекта дифференцированы въ нихъ. Въ субъектѣ перваго изъ этихъ сужденій дифференцировано лишь то, что это „розовый кустъ“ и что онъ находится „на круглой клумбѣ“. Возьмемъ изъ живого субъекта только эти дифференцированные опредѣленія, *абстраируемъ* ихъ отъ всей полноты содержанія „этого куста“ и поставимъ ихъ въ сознаніи—при этомъ мы тотчасъ замѣтимъ, что въ нихъ нѣтъ ничего обязывающаго присоединить къ нимъ предикатъ „засохъ“. Слѣдовательно, опознанныя стороны этого субъекта не заключаютъ въ себѣ во всей полнотѣ основанія для предиката; значить, основаніе для предиката кроется въ неопознанной глубинѣ субъекта, оно должно крыться въ ней, потому что иначе не было бы принужденія приписывать „этому кусту“ предикатъ, и оно выступило бы на свѣтъ знанія, если бы мы могли изслѣдовать строеніе всѣхъ тканей этого куста и всѣ физиологическіе процессы въ нихъ. Иной характеръ имѣетъ второе сужденіе. Въ немъ основаніе для предиката кроется въ дифференцированной сторонѣ субъек-

та, и мало того, субъектъ дифференцированъ въ немъ болѣе, чѣмъ это необходимо для предиката: нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы треугольникъ былъ „остроугольнымъ“ или „этимъ треугольникомъ“, если есть налицо плоскость, на ней три прямыя линіи, пересѣкающіяся другъ съ другомъ подъ какими угодно углами и ограничивающія часть плоскости, то вмѣстѣ съ этимъ должно оказаться, что сумма угловъ ихъ пересѣченной равна двумъ прямымъ угламъ. Итакъ, есть два вида сужденій. Въ однихъ сужденіяхъ предикатъ вытекаетъ изъ неопознанныхъ сторонъ субъекта, и только смутное воспріятіе связи въ цѣломъ ручается за то, что субъектъ въ самомъ дѣлѣ служитъ основаніемъ для предиката; сосредоточивая вниманіе въ этихъ сужденіяхъ на абстрактно мыслимой дифференцированной сторонѣ субъекта, мы ясно чувствуемъ, что она еще не обязываетъ насъ присоединить къ ней предикатъ; большинство сужденій воспріятія имѣетъ такой характеръ. Въ другихъ сужденіяхъ предикатъ вытекаетъ изъ опознанной стороны субъекта и потому, даже и сосредоточиваясь только на ней, какъ на абстрактно мыслимой, мы сознаемъ, что предикатъ присоединяется къ ней необходимо; таковы нѣкоторыя сужденія въ наиболѣе высоко развитыхъ наукахъ, напр., въ математикѣ. Умы, склонные сосредоточивать вниманіе преимущественно на опознанной сторонѣ вещей, пренебрежительно относятся къ сужденіямъ воспріятія и даже не довѣряютъ имъ; это понятно, если принять въ расчетъ, что одна опознанная сторона вещей въ такихъ сужденіяхъ не обосновываетъ предиката. Наоборотъ, умъ чуткій къ живой конкретной реальности во всей ея полнотѣ, напр. умъ художника, скорѣе усматриваетъ необходимость сужденій воспріятія, чѣмъ абстрактныхъ положеній науки. На самомъ же дѣлѣ и тѣ, и другія сужденія одинаково необходимы, и разница между ними состоитъ лишь въ неодинаковой дифференцированности субъекта. Поскольку идеаль знанія требуетъ опознанія всѣхъ сторонъ дѣйствительности, можно утверждать, что первыя сужденія, хотя они и заключаютъ въ себѣ истину, все же

отстаютъ отъ идеала, такъ какъ они недоразвиты: вполне развитое истинное сужденіе есть то, въ которомъ предикатъ вытекаетъ изъ субъекта, поскольку онъ опознанъ.

Гораздо болѣе серьезное отступленіе отъ идеала является въ томъ случаѣ, если субъектъ сужденія не есть основаніе предиката. Тогда мы имѣемъ дѣло не съ недоразвитымъ, а съ ложнымъ сужденіемъ. Такія ложныя сужденія могутъ существовать въ трехъ формахъ: въ однихъ сужденіяхъ субъектъ заключаетъ въ себѣ только часть основанія предиката, въ другихъ субъектъ заключаетъ въ себѣ полное основаніе предиката и кромѣ того лишніе, вовсе къ предикату не относящіяся элементы, наконецъ, въ третьихъ сужденіяхъ заключается и первая, и вторая ошибка, такъ какъ ихъ субъектъ въ однихъ отношеніяхъ неполонъ, а въ другихъ отношеніяхъ осложненъ ненужными элементами. Такія отступленія отъ идеала могутъ навести на мысль, что теоріи, развиваемыя нами, ложны. Въ самомъ дѣлѣ, если субъектъ сужденія не заключаетъ въ себѣ полнаго основанія для предиката, то какимъ образомъ могло возникнуть ложное сужденіе? Вѣдь если основаніе не полно, то слѣдствіе совсѣмъ не можетъ возникнуть, а потому, согласно нашей теоріи, при такихъ условіяхъ ложныя сужденія вовсе не могли бы появиться на свѣтъ. Въ отвѣтъ на это нужно замѣтить слѣдующее: такія сомнѣнія могутъ явиться лишь у того, кто пойметъ нашу теорію присутствія самой дѣйствительности въ процессѣ знанія въ такомъ смыслѣ, будто мы утверждаемъ, что сама реальная жизнь безъ всякой помощи познающаго субъекта уже образуетъ сужденіе. На дѣлѣ мы утверждаемъ нѣчто иное: дѣйствительность съ ея отношеніями въ самомъ дѣлѣ присутствуетъ въ актѣ сужденія, но еще не создаетъ его цѣликомъ, для этого акта необходимо еще познающій субъектъ вмѣстѣ съ его дѣятельностями вниманія, сравниванія, припоминанія и т. п. Отсюда возникаетъ возможность слѣдующихъ явленій въ сферѣ знанія: положимъ, объектъ S не есть основаніе для P и потому въ немъ нѣтъ *объективнаго* принужденія для мышле-

нія о Р, однако къ этому S могут присоединяться изъ сферы познающаго лица добавочныя условія с, напр. страсти, дѣятельность фантазіи, ассоціаціи, создавшіяся подъ вліяніемъ односторонняго личнаго опыта и т. п., такимъ образомъ, что въ мышленіи даннаго лица за переживаніями S + с необходимо будетъ слѣдовать Р, такъ что S + с есть основаніе для перехода отъ нихъ къ представленію Р. (Напр. въ сужденіи „люди съ асимметрическимъ типомъ лица суть преступники“ субъектъ не заключаетъ въ себѣ основанія для предиката, но не трудно себѣ представить, что односторонній личный опытъ, эстетическія симпатіи и антипатіи и т. п. могутъ побудить иного чело-вѣка съ жаромъ защищать этотъ тезисъ.)

Такимъ образомъ разрѣшаются всѣ мнимыя противорѣчія. Процессъ сужденія болѣе сложенъ, чѣмъ само обсуждаемое явленіе: онъ заключаетъ внутри себя, какъ часть, обсуждаемое явленіе, т.-е. объективное содержаніе субъекта, предиката и ихъ связи между собою. При этомъ истинное сужденіе характеризуется тѣмъ, что предикатъ его *безъ всякой помощи* со стороны познающаго лица *слѣдуетъ* изъ субъекта сужденія, такъ что познающему лицу остается только *опознавать* это отношеніе путемъ сосредоточенія своего вниманія на немъ, путемъ сравніванія и т. п. Наоборотъ, ложь является въ томъ случаѣ, если содержаніе сужденія обусловливается не только объективными, но и субъективными факторами. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ повторить слова Гегеля: „Когда я мыслю, я отрѣшаюсь отъ своихъ субъективныхъ особенностей, погружаясь въ предметъ, предоставляю мысли развиваться изъ самой себя, и я мыслю дурно, если прибавляю что-нибудь отъ самого себя“ ¹⁾.

Строго говоря, ложное сужденіе вовсе не есть сужденіе: въ немъ предикатъ слѣдуетъ не просто изъ субъекта S, а изъ субъекта вмѣстѣ съ нѣкоторымъ дополненіемъ с, *вовсе*

¹⁾ Гегель, собр. соч. VI, Logik, стр. 49.

не входящимъ въ содержаніе сужденія. Такое психическое явленіе можетъ быть процессомъ ассоціаціи идей, процессомъ фантазирования и т. п., но только не процессомъ сужденія, и внимательное наблюденіе состава этого процесса можетъ показать опытному психологу, что въ немъ нѣтъ на лицо того специфическаго элемента объективнаго слѣдованія предиката изъ субъекта, который характеренъ для сужденія. Однако нельзя не признать, что нужна огромная наблюдательность, чтобы отличить по психологическому составу такія комбинаціи представленій отъ сужденій.

Согласно произведенному нами анализу связи между субъектомъ и предикатомъ, въ истинномъ сужденіи предикатъ имѣетъ свое полное, т.-е. *достаточное* основаніе въ субъектѣ сужденія. Это положеніе есть не что иное, какъ *законъ достаточнаго основанія.* Оно управляетъ не только отношеніями между субъектомъ и предикатомъ сужденія, но и отношеніями между цѣлыми сужденіями. Если какое-либо сужденіе выводится изъ другихъ сужденій, то оно имѣетъ достаточное основаніе въ объективномъ содержаніи этихъ сужденій. Такъ какъ объективное содержаніе сужденія есть не копія реальности, а сама реальность, то законъ достаточнаго основанія выражаетъ собою не что иное, какъ опознанную, т.-е. вошедшую въ составъ сужденія необходимость самой дѣйствительности. Противъ этого сближенія намъ могутъ замѣтить, что необходимость дѣйствительности есть желѣзный, ненарушимый законъ природы, тогда какъ законъ достаточнаго основанія есть норма, которая можетъ быть нарушена и выполненіе которой лишь рекомендуется тому, кто стремится къ истинѣ. Однако это возраженіе само заключаетъ въ себѣ свое опроверженіе. Оно показываетъ, что законъ достаточнаго основанія можно разсматривать, съ одной стороны, какъ норму, а съ другой стороны, какъ законъ природы, состоящій въ слѣдующемъ: всякое истинное сужденіе есть сужденіе, въ которомъ субъектъ заключаетъ въ себѣ полное основаніе предиката.

Мы обосновываемъ необходимость сужденій на необхо-

димости самой дѣйствительности, т.-е. на природѣ самихъ познаваемыхъ вещей. Можно ли такимъ путемъ объяснить необходимость суждений? Вѣдь необходимость, неотвѣтственность дѣйствительности признается почти всѣми, а между тѣмъ ссылки на природу вещей при обоснованіи необходимости суждений въ наше время почти выходятъ изъ моды. Въ отвѣтъ на это надо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ и въ наше время, какъ и всегда, необходимость сужденія обосновывается на природѣ вещей, но теоріи знанія, обособляющія я отъ не-я, въ концѣ своей эволюціи, т.-е. въ философіи Канта, должны были придти къ мысли, что необходимость сужденія основывается не на природѣ всѣхъ вещей вообще, а на природѣ только той части міра, которая, согласно этой гносеологіи, имманентна процессу знанія, именно на природѣ познавательной способности, т.-е. разума, разсудка и чувственности. Особенно ясна эта тенденція въ кантовскомъ обоснованіи математики. По мнѣнію Канта, сужденія математики основываются на созерцаніи пространства и времени, но пространство и время суть формы чувственности самого познающаго субъекта, слѣдовательно, созная пространственныя и временныя отношенія, познающій субъектъ познаетъ свою собственную природу, и, такъ какъ она необходима, то онъ не можетъ отдѣлаться отъ нея, не можетъ даже мысленно допустить неосуществленіе ея формъ. Эту же самую мысль развиваемъ и мы, но только расширяемъ и дополняемъ ее двумя слѣдующими положеніями. Процессъ знанія содержитъ въ себѣ не только природу познающаго субъекта, но и природу самихъ познаваемыхъ вещей, такъ какъ я и транссубъективный міръ не обособлены другъ отъ друга, а равноправно координированы другъ другу въ процессѣ знанія; слѣдовательно, созная содержаніе какой-либо вещи транссубъективного міра, какъ необходимое, познающій субъектъ слѣдуетъ не необходимой природѣ своего разума, а необходимой природѣ самой познаваемой вещи, или, точнѣ говоря, актъ сужденія оказывается необходимымъ въ своемъ объективномъ со-

держаніи не потому, что познающій субъектъ не можетъ отдѣлаться отъ своей природы, а потому, что сама познаваемая вещь, наличная въ сужденіи, не можетъ отдѣлаться отъ своей природы.

Расширивъ такимъ образомъ мысль Канта, ее еще нужно дополнить однимъ соображеніемъ. Кантъ глубоко заблуждался, полагая, что одной ссылки на необходимую природу познающаго субъекта уже достаточно, чтобы установить необходимость соответствующихъ ей сужденій. Въ четвертой главѣ мы касались этого вопроса и ссылались тамъ же на мнѣніе М. И. Каринскаго объ этихъ взглядахъ Канта ¹⁾. Если въ актѣ знанія даны продукты необходимой дѣятельности, то какъ бы они ни были необходимы, это свойство ихъ можетъ остаться неотмѣченнымъ въ нихъ никакими чертами. „Для того, чтобы самое наше созерцаніе опредѣленнаго образа и именно какъ созерцаніе образа, построеннаго продуктивно,—говоритъ Каринскій,—могло усмотрѣть необходимую связь, соединяющую извѣстныя черты образа одну съ другой, то-есть, для того, чтобы мы непосредственно созерцали не просто данное, налично существующее соединеніе чертъ, а соединеніе необходимое, отличающееся необходимостью отъ случайныхъ соединеній чертъ,—для этого нужно, чтобы самая эта необходимость была непосредственно дана, созерцательно выражена въ самомъ образѣ и при томъ не въ самомъ содержаніи соединяемаго, а въ простомъ его соединеніи“ ²⁾. Иными словами, недостаточно, чтобы въ актѣ знанія была дана вещь, какъ готовый продуктъ, надобно еще, чтобы было дано само *дѣйствіе*, сама лабораторія природы, создающая вещь такъ, а не иначе. *Полагая, что между міромъ я и міромъ не-я нѣтъ никакихъ перегородокъ, такъ что вещи даны намъ вмѣстѣ со всѣми связями дѣйствія, причиненія и т. п., мы и вводимъ это послѣднее условіе необходимости сужденій.*

¹⁾ „Вопр. фил.“ кн. 74, стр. 387 с.

²⁾ Каринскій, „Объ истинахъ самоочевидныхъ“, § 6, стр. 31.